

По делу «Общественное объединение “Сутяжник” против России»

Европейский Суд по правам человека¹ (Первая Секция), рассматривая дело Палатой Секции в составе:

Христоса Розакиса, *Председателя Палаты Первой Секции Европейского Суда*, Анатолия Ковлера, Элизабет Штайнер, Дина Шпильманна, Сверре Эрика Йебенса, Джорджио Малинверни, Георга Николау, *судей*, а также при участии Сорена Нильсена, *Секретаря Первой Секции Европейского Суда*,

проведя совещание по делу за закрытыми дверями 2 июля 2009 г.,

вынес в этот день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 8269/02) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) российской общественной организацией «Сутяжник» (*далее* — организация-заявитель), 21 января 2002 г.

2. Интересы организации-заявителя, которой были компенсированы расходы по оказанию юридической помощи, при производстве по делу в Европейском Суде представляла г-жа Л. Чуркина, адвокат, практикующий в г. Екатеринбурге. Интересы властей Российской Федерации (*далее* — государство-ответчик) при производстве по делу в Европейском Суде представляли г-н П. Лаптев и г-жа В. Милинчук, бывшие Уполномоченные Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. В своей жалобе в Европейский Суд организация-заявитель утверждала, что, отменив судебное решение от 17 июня 1999 г., власти нарушили её «право на суд», предусмотренное статьёй 6 Конвенции.

4. Своим решением от 2 марта 2006 г. Европейский Суд признал жалобу приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ “СУТЯЖНИК” ПРОТИВ РОССИИ» [SUTYAZHNIK V. RUSSIA]

(жалоба № 8269/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

23 июля 2009 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

5. Государство-ответчик, но не организация-заявитель, представило в Европейский Суд дополнительные письменные замечания (в порядке пункта 1 правила 59 Регламента Европейского Суда). После проведения консультаций со сторонами, Палата решила, что не требовалось проводить слушание по существу дела (заключительная часть пункта 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Организация-заявитель была зарегистрирована в 1994 году Главным управлением Министерства юстиции Свердловской Федерации по Свердловской области (*далее* — Управление) по следующему адресу: Свердловская область, пос. Верх-Нейвинский, пл. Революции, д. 10. Однако с того времени организация-заявитель переехала по адресу: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 11-1. Как следует из материалов дела, в частности из письма от 11 мая

1999 г., Управление знало о фактическом адресе организации-заявителя.

7. В 1995 году был принят новый Федеральный закон «Об общественных объединениях». В соответствии с этим законом требовалось, чтобы все общественные организации, учрежденные до 1995 года, прошли перерегистрацию до 1 июля 1999 г. Организация-заявитель дважды обращалась в Управление с заявлением о перерегистрации. Однако в удовлетворении её заявлений было отказано.

8. Организация-заявитель обратилась в суд с иском к Управлению о возложении на него обязанности осуществить перерегистрацию объединения. 17 июня 1999 г. Арбитражный суд Свердловской области удовлетворил исковые требования организации-заявителя и обязал Управление зарегистрировать организацию-заявителя. Арбитражный суд Свердловской области также обязал Управление компенсировать организации-заявителю судебные расходы. Данное решение было оставлено без из-

От редакции. По делу организация-заявитель — со ссылкой на статью 6 Конвенцию — жаловалась в Европейский Суд на то, что отмена в порядке надзора решения Арбитражного суда Свердловской области по иску организации-заявителя в связи с отказом властей перерегистрировать ее, оставленного без изменения судом второй инстанции, нарушила ее «право на суд». По мнению государства-ответчика, приведение в действие надзорного производства по данному делу было вполне правомерным, а сама жалоба была подана с нарушением шестимесячного срока и поэтому должна быть оставлена без удовлетворения. Европейский Суд отклонил предварительное возражение государства-ответчика и не считал правомерной отмену в порядке надзора решения суда первой инстанции, назвав ее «правовым пуризмом». Пятью голосами «за» и двумя голосами «против» Суд постановил, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить организации-заявителю сумму в размере 500 евро в качестве компенсации морального вреда.

К постановлению Европейского Суда по настоящему делу прилагается совместное особое мнение судей А. Ковлера и Э. Штайнер.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

менения Федеральным арбитражным судом Уральского округа¹ 18 октября 1999 г.

9. 22 августа 2000 г. заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации² принёс протест в порядке надзора на судебное решение от 17 июня и судебное определение от 18 октября 1999 г. Как следует из письма канцелярии Высшего Арбитражного Суда от 19 ноября 2001 г., 29 августа 2000 г. копия протеста была выслана организации-заявителю на прежний адрес, который был указан в документах государственной регистрации. 7 сентября 2000 г. письмо канцелярии Высшего Арбитражного Суда дошло до этого адреса, но было возвращено отправителю с пометкой почтальюна: «такая общественная организация не зарегистрирована [по данному адресу]».

10. 26 сентября 2000 г. Президиум Высшего Арбитражного Суда отменил в надзорном порядке решения нижестоящих арбитражных судов. В мотивировочной части постановления Президиума было указано следующее:

«В соответствии со статьёй 22 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации³ арбитражные суды рассматривают споры экономического характера, возникающие из гражданских, административных и других правоотношений.

В соответствии со статьями 50 и 117 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также статьёй 5 Федерального закона «Об общественных объединениях» общественное объединение является некоммерческой организацией.

Споры относительно [государственной] регистрации или перерегистрации некоммерческих организаций не имеют экономического характера и [следовательно] не относятся к подведомственности арбитражных судов».

В результате, производство по делу было прекращено. Судебное заседание по делу было проведено в отсутствие сторон.

11. 10 октября 2000 г. копия постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда была направлена по прежнему адресу организации-заявителя. Этот документ был доставлен 17 октября 2000 г.; однако он был также возвращен в канцелярию Высшего Арбитражного Суда со следующей пометкой: «[это] адрес поселкового совета, секретарь совета отказался принять [это письмо]».

12. По утверждению организации-заявителя, она несколько раз обращалась в Арбитражный суд Свердловской области с целью принудить Управление к исполнению судебного решения от 17 июня 1999 г., оставленного без изменения 18 октября 1999 г., и зарегистрировать объединение, но безуспешно. В октябре 2001 г. работник канцелярии Арбитражного суда Свердловской области сообщил организации-заявителю об отмене судебного решения от 17 июня 1999 г., оставленного без изменения 18 октября 1999 г. 22 октября 2001 г. организация-заявитель обратилась к Председателю Высшего Арбитражного Суда с письмом, содержащим просьбу выслать копию постановления этого Суда. Организация-заявитель получила эту копию 28 ноября 2001 г.

13. Вскоре после этого организация-заявитель обжаловала в судах общей юрисдикции отказ Управления в её

регистрации. Вступившим в законную силу решением от 1 августа 2002 г. Свердловский областной суд удовлетворил требования организации-заявителя, обязав Управление зарегистрировать организацию-заявителя.

14. В 2003 году организация-заявитель обжаловала соответствующие нормы АПК России в Конституционном Суде Российской Федерации⁴. 18 декабря 2003 г. Конституционный Суд отказал в принятии жалобы организации-заявителя к рассмотрению. Конституционный Суд определил, что, хотя обжалуемые нормы не устанавливают никаких сроков для принесения протеста в порядке надзора, срок, в течение которого протест по делу заявителя был принесён, не превышает «разумный срок», и поэтому права заявителя не были нарушены.

II. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

15. Федеральный закон «Об общественных объединениях» (от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ с соответствующими изменениями и дополнениями), касающийся некоммерческих общественных организаций, предусматривал, что отказ компетентного Управления Министерства юстиции Российской Федерации зарегистрировать общественное объединение может быть обжалован в судебном порядке (статья 23 Закона).

16. С 1990-х годов российская судебная система образована тремя составными частями — судами общей юрисдикции, арбитражными судами и конституционными судами. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации 1995 года (от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ, действовавший в период времени, фигурирующий по делу, но отмененный 1 сентября 2002 г., далее — старый Кодекс) устанавливал, что арбитражным судам подведомственны «дела по экономическим спорам, возникающим из гражданских, административных и иных правоотношений <...> между юридическими лицами <...>» (часть вторая статьи 22 старого Кодекса). Часть вторая статьи 22 старого Кодекса предусматривала, что «к экономическим спорам <...> относятся споры <...> об обжаловании отказа в государственной регистрации <...> организации, <...> когда такая регистрация предусмотрена законом».

17. Арбитражный процессуальный кодекс 2002 года (действует с 1 сентября 2002 г., далее — новый Кодекс) включает аналогичное положение, которое определяет подведомственность споров арбитражным судам на основании двух критериев: предмет спора («экономические споры») и статус сторон в споре («юридические лица»). Статья 33 нового Кодекса устанавливает, что дела по спорам о создании, реорганизации и ликвидации организаций подлежат рассмотрению арбитражными судами.

18. В соответствии со статьёй 9 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ, в редакции, действовавшей в период времени, фигурирующий по делу) Высший Арбитражный Суд был вправе, среди прочего, давать разъяснения по вопросам судебной практики. 9 декабря 2002 г. Пленум Высшего Арбитражного Суда принял Постановление № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», в

¹ Далее — Федеральный арбитражный суд (примечание редакции).

² Далее — Высший Арбитражный Суд (примечание редакции).

³ Далее — АПК России (примечание редакции).

⁴ Далее — Конституционный Суд (примечание редакции).

котором, среди прочего, дано толкование статьи 33 нового Кодекса. В пункте 5 Постановления Высший Арбитражный Суд уточнил, что дела по спорам, касающимся регистрации некоммерческих организаций, не подлежат рассмотрению арбитражными судами.

19. Старый Кодекс предусматривал, что решения арбитражных судов первой инстанции могут быть обжалованы в течение одного месяца с даты их вынесения (статья 147). Постановления апелляционных судов могут быть обжалованы в кассационный суд также в течение одного месяца с даты вынесения (статья 164).

20. Глава 22 старого Кодекса также устанавливала, что любое постановление или решение любого арбитражного суда в Российской Федерации (за исключением постановлений Президиума Высшего Арбитражного Суда) могут быть пересмотрены в порядке надзора по протестам Председателя Высшего Арбитражного Суда или его заместителя или Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя (статьи 180 и 181). Старый Кодекс не содержал перечень оснований для принесения протеста в порядке надзора или указания сроков для принесения такого протеста. Старый Кодекс указывал, что протест мог быть принесён по инициативе соответствующего должностного лица или «в связи с заявлением лица, участвующего в деле» (часть первая статьи 185). Вызов участвующих в деле лиц на заседание Президиума Высшего Арбитражного Суда было дискреционным правом Президиума (часть вторая статьи 186).

21. Президиум Высшего Арбитражного Суда является судом последней инстанции в системе арбитражных судов; его постановления не подлежат обжалованию (статья 180 старого Кодекса).

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ ВОЗРАЖЕНИИ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

22. Государство-ответчик утверждало, что жалоба по настоящему делу была подана с нарушением шестимесячного срока, предусмотренного пунктом 1 статьи 35 Конвенции. Во-первых, государство-ответчик вновь подтвердило, что организация-заявитель не сообщила властям свой новый адрес. Кроме того, государство-ответчик утверждало, что постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда от 26 сентября 2000 г. было опубликовано в № 12 Бюллетеня Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2000 года, а затем было включено в электронную базу данных правовых материалов. Таким образом, организация-заявитель должна была знать о постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда вскоре после его официального опубликования.

23. Европейский Суд подтверждает, что он рассмотрел вопрос о соблюдении правила о шестимесячном сроке подачи жалоб в своем решении от 2 марта 2006 г. по вопросу о приемлемости данной жалобы и отклонил возражение государства-ответчика. В обстоятельствах дела Суд не видит никаких оснований вновь возвращаться к этому вопросу сейчас. Соответственно, Суд отклоняет предварительное возражение государства-ответчика.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

24. Организация-заявитель утверждала, что отмена постановления от 17 июня 1999 г., оставленного без изменения 18 октября 1999 г., нарушила её «право на суд»,

предусмотренное статьёй 6 Конвенции. Статья 6, в той её части, которая имеет отношение к настоящему делу, предусматривает следующее:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях <...> имеет право на справедливое <...> разбирательство дела <...> судом <...>».

A. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

25. Государство-ответчик указало, что право организации-заявителя на суд нарушено не было. Во-первых, надзорное производство было возбуждено в пределах разумного срока после того, как Федеральным арбитражным судом было вынесено постановление. Во-вторых, Президиум Высшего Арбитражного Суда действовал в соответствии с АПК России, и поэтому организация-заявитель не была неготовой для такого развития событий. Наконец, надзорное производство было направлено на исправление существенного недостатка в производстве по делу в нижестоящих арбитражных судах, а именно — отсутствие у арбитражных судов правомочия разрешать данную категорию споров.

26. Организация-заявитель настаивала на своей жалобе.

B. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

27. Европейский Суд отмечает, что центральный вопрос в настоящем деле состоит в том, соответствовало ли надзорное производство статье 6 Конвенции и — более конкретно — был ли соблюден принцип правовой определённости с учетом обстоятельств настоящего дела.

28. Европейский Суд отмечает, что надзорное производство в рамках системы арбитражных судов в соответствующее время было аналогично надзорному производству в гражданском судопроизводстве, которое было в центре внимания в постановлении Суда по делу «Рябых против России» и в последующих делах (см. постановление Европейского Суда по делу «Рябых против России» [*Ryabikh v. Russia*] (жалоба № 52854/99), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2003-IX). Надзорное производство в рамках системы арбитражных судов имело такие же характеристики, которые во многих случаях приводили Суд к заключению, что надзорное производство в гражданском судопроизводстве нарушало принцип «правовой определённости», охраняемый статьёй 6 Конвенции, а именно, что решения нижестоящих судов в рамках системы арбитражных судов «могли быть оспорены в течение неопределённо долгого времени» и «по протесту должностного лица» без какого-либо заявления со стороны участвующего в деле лица (см. выше, постановление Европейского Суда по делу «Рябых против России», § 56). В итоге Суд признаёт, что структурные процессуальные проблемы, которые он выявил в предыдущих делах, имели место и в настоящем деле.

29. В настоящем деле государство-ответчик выдвинуло три довода для оправдания отступления от принципа правовой определённости. Во-первых, государство-ответчик утверждало, что надзорное производство было возбуждено в «разумный срок». Европейский Суд отмечает, что прошло более 10 месяцев с момента вынесения постановления Федеральным арбитражным судом до возбуждения надзорного производства. По мнению Суда, эта проволочка сама по себе может поднять вопрос в контексте статьи 6 Конвенции, особенно учитывая то,

что сроки для подачи «обычной» апелляционной жалобы или кассационной жалобы были ограничены одним месяцем. В любом случае Суд считает, что именно отсутствие какого-либо срока для возможного возобновления производства по делу создало неопределённость для сторон в деле. То обстоятельство, что властям потребовалось менее одного года для того, чтобы возбудить надзорное производство в настоящем деле, не влияет на эту фундаментальную проблему неопределённости.

30. Второй довод государства-ответчика состоит в том, что организация-заявитель знала, что судебное решение, вынесенное в её пользу, могло быть опротестовано в порядке надзора. Однако в глазах Европейского Суда суть проблемы состояла в том, что организация-заявитель не могла предвидеть, когда будет возбуждено надзорное производство, если оно вообще будет возбуждено. Поэтому этот довод также следует отклонить, поскольку и в этом отношении проблема неопределённости сохраняла свою силу.

31. Наконец, государство-ответчик утверждало, что пересмотр в порядке надзора судебного решения, вынесенного в пользу организации-заявителя, был оправдан, поскольку нижестоящие арбитражные суды действовали вне рамок своей подведомственности, тем самым целью надзорного производства было исправление существенного недостатка.

32. Европейский Суд отсылает к своему выводу, сделанному в вышеупомянутом постановлении по делу «Рябых против России», в части, относящейся к настоящему делу:

«51. <...> Одним из фундаментальных аспектов верховенства права является принцип правовой определённости, в силу которого требуется, среди прочего, что в тех случаях, когда суды окончательно разрешили дело, их решение суда не должно быть поставлено под вопрос <...>

52. Правовая определённость предполагает соблюдение принципа *res judicata* <...>, то есть принципа окончательности судебных постановлений. Данный принцип подчеркивает, что ни одна из сторон не вправе добиваться отмены вступившего в законную силу и обязательного к исполнению судебного решения просто с целью повторного рассмотрения дела и вынесения по нему нового решения <...>.

56. <...> Право стороны на суд было бы <...> иллюзорным, если в правовой системе Высокой Договаривающейся Стороны разрешалось бы отменять вышестоящим судом вступившее в законную силу и обязательное для исполнения судебное решение по протесту, внесенному должностным лицом государства».

33. Европейский Суд, однако, подчеркивает, что в его постановлении по делу «Рябых против России» содержалась важная оговорка, которая — по крайней мере по-разумеваемым образом — признавала то, что пересмотр судебных актов в порядке судебного надзора может быть оправдан в определённых обстоятельствах. Суд указал (см. § 52 вышеупомянутого постановления по делу «Рябых против России»):

«<...> Пересмотр судебных актов в порядке надзора не может считаться замаскированной формой обжалования, а простое наличие двух точек зрения по одному вопросу не может являться основанием для пересмотра. Отступление от этого принципа оправданно только, когда оно является необходимым в силу обстоятельств существенного и непреодолимого свойства».

34. В своем постановлении от 18 января 2007 г. по делу «Кот против России» [*Kot v. Russia*] (жалоба № 20887/03), § 29) Европейский Суд развил эту логику. Суд указал следующее:

«Неизбежно то, что в гражданском судопроизводстве у сторон в деле будут противоречащие друг другу взгляды на применение норм материального права <...>. Суд отмечает, что до подачи заявления о пересмотре дела в порядке надзора требования заявителя были рассмотрены <...> судом первой инстанции и судом кассационной инстанции. По делу не утверждалось, что эти суды действовали за пределами своей компетенции или что имелся существенный недостаток при рассмотрении ими дела. То обстоятельство, что Президентом не согласился с оценкой, сделанной судами первой и кассационной инстанций, по своей сути не являлся исключительным обстоятельством, допускающим отмену вступившего в законную силу и обязательного для исполнения судебного решения и возобновления производства по делу по иску заявителя».

35. Таким образом, Европейский Суд приемлет то, что в определённых обстоятельствах допустимо нарушение принципа правовой определённости с целью исправления «существенного недостатка» или «ошибки в отправлении правосудия». Однако данные понятия не поддаются точному определению. Суду приходится решать в каждом отдельном деле, в какой степени было оправданно отступление от принципа правовой определённости (см. в контексте уголовных дел постановление Европейского Суда от 24 мая 2007 г. по делу «Радичков против России» [*Radchikov v. Russia*] (жалоба № 65582/01), § 44; в контексте гражданских дел см. постановления Европейского Суда по делам: «Проценко против России» [*Protsenko v. Russia*] (жалоба № 13151/04), § 31 и следующие за ним пункты постановления, от 31 июля 2008 г., и «Тишкевич против России» [*Tishkevich v. Russia*] (жалоба № 2202/05), § 25–26, от 4 декабря 2008 г.).

36. Обращаясь к настоящему делу Европейский Суд отмечает, что основанием для отмены решений нижестоящих арбитражных судов стал тот факт, что дело по спору между организацией-заявителем и Управлением было вне компетенции арбитражных судов. Суд уже указывал, что в принципе ошибки в вопросе о подсудности можно считать «существенным недостатком», подлежащим исправлению в надзорном порядке (см. постановление Европейского Суда от 10 апреля 2008 г. по делу «Лучкина против России» [*Luchkina v. Russia*] (жалоба № 3548/04), § 21). Возникает вопрос, может ли при определённых обстоятельствах дела нарушение правил подсудности считаться «существенным недостатком», требующим пересмотра судебного решения, которое заявитель считал *res judicata*.

37. Европейский Суд отмечает, что в России споры относительно государственной регистрации юридических лиц, как правило, рассматриваются арбитражными судами. Споры о регистрации общественных объединений, однако, были исключены из подведомственности арбитражных судов, видимо, по причине «неэкономического» характера таких споров. Такое прочтение старого Кодекса было предложено Высшим Арбитражным Судом, Европейский Суд не видит никаких оснований с ним не соглашаться. Однако примечательно, что как организация-заявитель, так и ответчик по делу (Управление) сочли, что арбитражные суды были правомочны разрешить дело. Более того, арбитражные суды двух инстанций принимали дело к производству и рассматривали

его по существу. Это свидетельствует о том, что соответствующие нормы старого Кодекса, взятые в увязке с Федеральным законом «Об общественных объединениях», были в лучшем случае допускающими двойное толкование. Правила подсудности были разъяснены только в 2002 году в связи с принятием нового Кодекса, когда Высший Арбитражный Суд уточнил, что дела по спорам о регистрации некоммерческих организаций не относятся к подведомственности арбитражных судов (см. выше, раздел «Имеющие отношение к делу нормы национального законодательства»).

38. Таким образом, Европейский Суд считает, что судебное решение от 17 июня 1999 г., оставленное без изменения судебным определением от 18 октября 1999 г., являлось законным. Последствия судебного решения от 17 июня 1999 г. были весьма ограничены: оно касалось только сторон в деле и не противоречило никакому другому судебному акту. Суд согласен с тем, что — как вопрос принципа — правила подсудности надлежит соблюдать. Однако в конкретных обстоятельствах настоящего дела Суд не находит никакой настоятельной общественной необходимости, которая оправдывала бы отступление от принципа правовой определённости. Судебное решение было отменено скорее во имя правового пуризма, чем для того, чтобы исправить ошибку, имеющую фундаментальное значение для судебной системы.

39. В конечном итоге, в обстоятельствах настоящего дела отмена судебного решения от 17 июня 1999 г., оставленного без изменения 18 октября 1999 г., была непропорциональной мерой государства, и соблюдение принципа правовой определённости должно было бы иметь преимущественную силу. Следовательно, по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

III. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

40. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вопрос о присуждении организации-заявителю выплаты компенсации за причиненный ей моральный вред

41. Организация-заявитель требовала выплатить ей сумму в размере трех тысяч евро в качестве компенсации причиненного ей морального вреда. Организация-заявитель утверждала, что в течение нескольких лет она не могла добиться перерегистрации, и поэтому она находилась под угрозой ликвидации.

42. Государство-ответчик сочло, что данное требование является чрезмерным. Государство-ответчик указало, что опасение возможной ликвидации было необоснованным. Государство-ответчик заявило, что признание факта нарушения Конвенции было бы достаточной справедливой компенсацией.

43. Европейский Суд отмечает, что возможно присуждение определенной суммы в качестве компенсации морального вреда, причиненного юридическому лицу в связи с «длительной неопределённостью» и «неудобством», которые оно испытывало в связи с нарушением Конвенции, установленным Судом (см. постановление

Большой Палаты Европейского Суда от 6 апреля 2000 г. по делу «Акционерное общество “Комингерсолл” против Португалии» [*Comingersoll S.A. v. Portugal*] (жалоба № 35382/97), § 36, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-IV).

44. Европейский Суд согласен с тем, что отмена судебного решения от 17 июня 1999 г., оставленного без изменения 18 октября 1999 г., причинило организации-заявителю некоторое неудобство. В то же время, представляется, что прекращение производства по делу Президиумом Высшего Арбитражного Суда незначительно отразилось на функционировании организации-заявителя, у которой, более того, была возможность обратиться в суд с надлежащей подведомственностью и в конце концов получить от этого суда решение в свою пользу. Производя оценку на основе принципа справедливости, как предусмотрено статьёй 41 Конвенции, Суд присуждает выплатить организации-заявителю сумму в размере 500 евро в качестве компенсации причиненного ей морального вреда.

B. Вопрос о присуждении организации-заявителю выплаты возмещения понесенных ей судебных издержек и расходов

45. Организация-заявитель не заявляла требований о возмещении судебных издержек и расходов, понесенных ей в национальных судах и в Европейском Суде. Соответственно, Суд не присуждает ей никакой суммы по данному пункту.

C. Процентная ставка при просрочке платежей

46. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. *отклонил* единогласно предварительные возражения государства-ответчика;

2. *постановил* пятью голосами «за» и двумя голосами «против», что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции.

3. *постановил* пятью голосами «за» и двумя голосами «против»

(а) что государство-ответчик — в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции — в течение трех месяцев со дня вступления настоящего постановления в силу обязано выплатить организации-заявителю сумму в размере 500 (пятисот) евро в качестве компенсации причиненного ей морального вреда, к чему надлежит прибавить сумму любого налога, подлежащего уплате с указанной суммы;

(б) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанной суммы на нее начисляются и подлежат выплате организации-заявителю штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента;

4. *отклонил* единогласно остальные требования организации-заявителя о выплате ей справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 23 июля 2009 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

**Сорен Нильсен,
Секретарь
Первой Секции
Европейского Суда**

**Христос Розакис,
Председатель Палаты
Первой Секции
Европейского Суда**

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему постановлению прилагается совместное особое мнение судей Ковлера и Штайнер.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ КОВЛЕРА И ШТАЙНЕР

К нашему сожалению, мы не разделяем мнение большинства судей, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 6 Конвенции.

В данном конкретном деле пересмотр судебных актов в порядке надзора — даже в соответствии со старой системой арбитражного судопроизводства — имел целью исправить существенную ошибку, допущенную по делу нижестоящими арбитражными судами. Как Европейский Суд подтверждает в настоящем постановлении (см. § 33–34 постановления), отступление от принципа правовой определённости оправданно, только когда оно является необходимым в силу обстоятельств существенного и непреодолимого свойства (см. среди прочего постановление Европейского Суда по делу «Рябых против России» (жалоба № 52854/99), § 52, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2003-IX, и постановление Европейского Суда от 18 января 2007 г. по делу «Кот против России» [*Kot v. Russia*] (жалоба № 20887/03), § 29). Иными словами, требование правовой определённости не является абсолютным. Суд последователен в вопросе о том, что допустимо нарушение принципа правовой определённости с целью исправления «существенного недостатка» или «ошибки в отправлении правосудия» (см. пункт 35 постановления с соответствующими ссылками).

Основанием для отмены судебных актов нижестоящих арбитражных судов стал тот факт, что дело по спору между организацией-заявителем и Управлением было вне компетенции арбитражных судов: мы согласны с заключением Суда, что соответствующие нормы старого Кодекса, взятые в увязке с Федеральным законом «Об общественных объединениях», были в лучшем случае допускающими двоякое толкование. Таким образом, за-

дача Высшего Арбитражного Суда состояла именно в том, чтобы исправить ситуацию и дать разъяснения по вопросу о регистрации некоммерческих организаций, который явно не входил в компетенцию арбитражных судов.

Отсутствие у них компетенции по данному вопросу было крайне существенным и абсолютным фактом, поскольку оно означало полное отсутствие правомочий рассматривать дело. Следовательно, судебные акты, вынесенные нижестоящими арбитражными судами в пользу организации-заявителя, были не просто спорными с точки зрения норм процессуального или материального права: они просто были недействительными. Судебные акты нижестоящих арбитражных судов влияли на всю организацию судебной системы и разделение полномочий внутри нее. Наш Суд признаёт, что правила подсудности были разъяснены в 2002 году: дела по спорам о регистрации не входят в компетенцию арбитражных судов. В определённой степени инициатива заместителя Председателя Высшего Арбитражного Суда превзошла это разъяснение. Со всем уважением к мнению наших коллег мы не согласны с тем, что «судебное решение было отменено скорее во имя правового пуризма, чем для того, чтобы исправить ошибку, имеющую фундаментальное значение для судебной системы» (см. пункт 38 постановления). В этой связи мы сожалеем, что государство-ответчик выступило против уступки юрисдикции по данному делу в пользу Большой Палаты, где понятие «существенного недостатка» могло быть более детально разъяснено.

Что касается организации-заявителя, то представляется, что прекращение производства по делу Президиумом Высшего Арбитражного Суда незначительно отразилось на функционировании организации-заявителя, у которой, более того, была возможность обратиться в суд с надлежащей подведомственностью и в конце концов получить от этого суда решение в свою пользу (см. пункт 13 постановления). Мы также отметили бы то обстоятельство, что Конституционный Суд определил, что хотя обжалуемые нормы не устанавливают никаких сроков для принесения протеста в порядке надзора, срок, в течение которого протест по делу заявителя был принесён, не превышает «разумный срок», и поэтому права заявителя не были нарушены (см. пункт 14 постановления). Таким образом, отмена неправильно вынесенных судебных актов в обстоятельствах настоящего дела не была непропорциональной мерой государства.

Соображение последнее по порядку, но не последнее по значению: организация-заявитель является организацией, целью которой является защита принципа верховенства права и прав человека. Защита правопорядка включает в себя исправление существенных ошибок внутри этого порядка, даже если это ставит тех или иных заинтересованных лиц в неудобную ситуацию. Мы верим, что наша позиция по делу будет понята.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»